

ЦЕНТР АПОЛОГЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

...подвизаться за веру, однажды преданную святым (Иуда 3)

C-015

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОГО РЕЛЯТИВИЗМА

Френсис Дж. Бэквит

Этические, нравственные и социальные вопросы начинают все чаще появляться в заголовках ведущих газет и на обложках популярных журналов. К сожалению, многие сегодня склонны думать, что логика и рациональность не уместны, когда речь идет о вопросах нравственности, и что на такие вопросы ответить просто невозможно. Многие считают, что установившиеся взгляды людей уже невозможно изменить, и что все мнения относительны — они не основаны ни на одной объективной и неизменной системе нравственных ценностей. Не следует ли тогда всем ценностям и взглядам придать равный нравственный вес?

Цель этой статьи — критически подойти к проблеме нравственного релятивизма, которая, как я уверен, мешает большинству людей критически и рационально подходить к вопросам огромной нравственной и этической важности.

Нравственный релятивизм

В одной из своих известных работ *The Closing of the American Mind* [«Ограниченность американского мышления»] профессор Алан Блум приводит следующее наблюдение: «В одном профессор может быть абсолютно уверен: почти каждый студент, поступающий в университет, считает или, по крайней мере,

говорит, что считает, что истина относительна... Студенты, конечно, не могут защитить свою позицию. Эту мысль им просто внушили».

Безапелляционно заявляя, что истины не существует, люди начинают исключать саму возможность познания истины, если она вообще существует. В связи с этим, в современной Америке за большинством красивых слов о нравственности скрывается нравственный релятивизм, вера в то, что не существует объективных нравственных ценностей, которые бы стояли выше взглядов общества и отдельного человека. Вот почему многие люди начинают или заканчивают свои суждения о нравственности такими характерными фразами: «Это

только мое личное мнение», «Конечно же, я не осуждаю ничье поведение», или: «Если вы считаете, что это хорошо, тогда все в порядке, но лично я против этого». Несмотря на то, что такие суждения имеют место, мы часто используем их неуместно. Давайте рассмотрим несколько примеров того, как нравственный релятивизм влияет на отношение людей к вопросам общественной нравственности.

Споры вокруг абортов

Некоторые защитники права на аборт, в ответ на доводы, приводимые в пользу защиты жизни неродившегося младенца, наклеивают на свои автомобили следующие ло-

НАШИ АДРЕСА :

РОССИЯ • 194044 С-Петербург, а/я 954, Центр Апологетических Исследований • E-MAIL: Russia@ApolResearch.org • <http://www.ApolResearch.org>
УКРАИНА • 01001 Киев-1 а/я В-92 Центр Апологетических Исследований • E-MAIL: Ukraine@ApolResearch.org • <http://www.ApolResearch.org>

зунги: «Я за право выбора, но против аборта», «Не нравится аборт — не делай», «Аборт противоречит моим убеждениям, но я никогда не буду навязывать свои убеждения другим». В этих лозунгах простыми словами выражена та позиция, которой придерживаются политики и все те, кто хочет избежать «каменной и стрел», естественно, преследующих защитников аборт. Это попытка найти «компромисс», «золотую середину», это способ избежать клейма «экстремиста» любого лагеря.

Во время избирательной кампании 1984 года, когда в средствах массовой информации обсуждался вопрос католицизма Джеральдины Ферраро и явного противоречия ее религиозных воззрений с занимаемой ею позицией в вопросе права на аборт, губернатор штата Нью-Йорк Марио Куомо в лекции, которую он читал в Университете Нотр-Дам, попытался придать этой «золотой середине» разумное обоснование. Он попытался философски обосновать позицию Ферраро, но потерпел полное поражение. Ибо никто не вправе ссылаться на тот факт, что мы живем в плюралистическом обществе (характеризуемом нравственным плюрализмом/релятивизмом), когда даже сам вопрос того, **кто** является частью общества (т. е. включает ли оно в себя неродившихся детей) является темой обсуждения. Куомо затронул этот вопрос и проиграл спор.

Безапелляционное предположение сторонников права на аборт о том, что нравственный релятивизм способен разрешить споры вокруг аборт, показывает их вопиющую неосведомленность относительно позиции защитников жизни. Факт остается фактом: если кто-то считает, что неродившийся ребенок является полноценным человеком, то младенец в утробе женщины, отстаивающей право на свободный выбор, является такой же человеческой личностью, как и тот, что находится в утробе женщины, занимающей позицию против аборт. Для противника аборт ребенок, появившийся внутри Вупи Голдберг

или Цибил Шеперд, является такой же личностью, как и все остальные неродившиеся дети. Идеология не меняет личности.

Сторонникам права на выбор следует приложить хоть *немного* усилий для того, чтобы понять позицию сторонников жизни. Когда они говорят защитникам жизни еще не родившихся детей (как это часто бывает), что у них есть право верить в то, во что они хотят верить, они невольно провоцируют радикальную тактику «Operation Rescue» («Операции Спасения»). Подумайте о следующем. Если бы *вы* узнали, что несколько человек были убиты такими зверскими способами, как расчленение, удушение и сожжение, причинившими им мучительную боль, что бы вы почувствовали, если кто-нибудь попытался бы усмирить ваш гнев, сказав вам, что если вы не хотите, то можете не принимать участия в убийстве. Именно это слышат защитники жизни в словах сторонников права на аборт: «Не нравится аборт — не делай» или «Я за право выбора, но против аборт». Для сторонника жизни это все равно, что сказать аболиционисту: «Не нравится рабовладение — не владей рабами» или сказать Дитриху Бонхейферу: «Не нравится погром — не убивай еврея». Таким образом, требовать, чтобы противники аборт «не навязывали свои убеждения другим», и в то же самое время утверждать, что «у каждого человека есть право верить в то, во что он хочет верить», — значит показывать вопиющую неосведомленность относительно их позиции.

Вопреки широко распространенному представлению, позиция так называемых «сторонников выбора» не нейтральна. Слова активных сторонников права на аборт о том, что у женщин должно быть «право выбора» убивать свой плод, равносильны отрицанию той позиции защитников жизни, что неродившиеся дети стоят того, чтобы их защищать. А утверждение противников аборт о том, что неродившиеся младенцы являются полноценными людьми с «правом на жизнь», равнозначно отрицанию той позиции

сторонников права на аборт, что у женщин есть безусловное право прерывать беременность, поскольку для противников аборт это означает убийство. Таким образом, пытаться «разрешить» споры вокруг аборт путем обращения к нравственному релятивизму (нравственному плюрализму а-ля Марио Куомо) нелогично, такая попытка проблемы не решит.

Цензура и общественное благо

Еще один пример того, как нравственный релятивизм влияет на отношение многих людей к вопросам общественной нравственности, можно увидеть в спорах о праве бойкотировать телевизионную рекламу продукции, которая, по мнению некоторых, психологически и нравственно вредна. В ответ на такое заявление обычно используют следующий довод: «Если вам не нравится какая-то передача, то вовсе не обязательно ее смотреть. Вы всегда можете переключить канал». Но так ли хорош этот ответ? Нужно помнить о том, что упомянутые критики не просто считают такие передачи *лично* оскорбительными, но скорее настаивают на том, что сами передачи содержат информацию и создают нравственный климат, которые пагубно влияют на других, особенно на детей. Следовательно, их беспокоит то, что **вы** и **ваши дети** не переключите канал.

Я считаю, что пока эти люди не пропагандируют государственную цензуру, а только оказывают социальное и экономическое давление на частные корпорации (что группа по защите гражданских прав и феминистки делают уже на протяжении некоторого времени), равновесие прав на свободу сохраняется. Обе стороны могут свободно действовать в своих интересах в рамках Конституции, хотя и должны с готовностью принимать социальные и экономические последствия своих действий. Кажется, это как нельзя лучше служит общественному благо. Обратите внимание

на то, что такая позиция не основана на нравственном релятивизме, но серьезно относится к таким ценностям, как свобода, общественное благо и права человека, и при этом пытается защищать эти ценности последовательно и справедливо.

Доводы в пользу нравственного релятивизма

В защиту нравственного релятивизма приводится ряд доводов. Два из них особенно популярны, они снова и снова в различных формах появляются в нашем обществе. Теперь мы перейдем к рассмотрению этих доводов.

Довод, основанный на различиях в культуре поведения

Первый довод гласит: «Поскольку культура поведения у отдельных народов и личностей различна, то не существует объективной системы нравственных ценностей». На это довод можно привести несколько возражений. Во-первых, то, что люди в чем-то не согласны друг с другом, не означает, что объективной истины не существует. Если мы с вами не согласны в том, круглая земля или нет, то это еще не доказывает, что земля вообще не имеет формы. Если во время дискуссии о нравственности я не согласен с бритоголовыми (разновидность молодых неонацистов) в вопросе равного и справедливого отношения к людям, то это еще не может быть достаточным поводом для отрицания объективной ценности равенства и справедливости. Даже если бы народы и отдельные личности не имели общих ценностей, из этого бы еще не следовало, что в отношении объективно правильных ценностей никто не может быть правым или ошибаться. Таким образом, существование нравственно заблуждающихся личностей и обществ, таких как Адольф Гитлер и нацистская Германия, вполне возможно.

Другая проблема, возникающая при изучении этого довода, заключается в том, что различие в нравственном поведении отдельных народов и личностей не означает отсутствия общих ценностей. Например, из того факта, что женщины, живущие на островах южных морей, ходят с обнаженной грудью, а англичане этого не делают, не следует, что первые не ценят скромности. В связи с особенностями климата, окружающей среды и определенными религиозными убеждениями, у жителей южных морей сложился особый стиль поведения.

Хотя различные народы могут по-разному проявлять такие качества, как честность и смелость, и по-разному признавать ценность человеческой жизни, тем не менее они не поощряют нечестность, трусость и намеренное убийство.

Во-вторых, явные различия в нравственности иногда вовсе и не являются таковыми, а связаны эти различия с существующей действительностью. Например, многие люди, живущие в Индии, не едят коров, потому что верят в переселение душ, в то, что коровы могут обладать душами умерших людей. Мы, в Соединенных Штатах, не верим, что у коров есть человеческая душа. Поэтому мы их едим, но ведь мы не станем есть свою бабушку. Таким образом, при поверхностном рассмотрении кажется, что есть фундаментальное различие между системой ценностей индусов и американцев. Это поспешное заключение, так как те, и другие считают неправильным есть свою бабушку, однако индусы верят в то, что корова может оказаться бабушкой. Так что разнообразие наших кулинарных привычек обусловлено не различиями в системе ценностей, а различиями, связанными с существующей действительностью.

Можно привести и другие примеры, чтобы показать, почему этот довод в пользу нравственного релятивизма несостоятелен. Однако следует заметить, что наличие некоторых общих для всех людей и народов ценностей не означает, что

у всех народов одинаковы все ценности. Очевидно, что некоторые народы могут иметь какие-то ценности, которые отсутствуют у других. Следовательно, если мы обнаружим у какого-то народа ценность, присущую только ему, то это никоим образом не противоречит моему основному тезису о том, что существуют основные ценности, которых прямым или косвенным образом придерживаются все народы.

В-третьих, довод, основанный на разнице в поведении, чрезмерно выделяет различия, игнорируя при этом сходства, и кроме того дает неверное представление о том, что все нравственные конфликты в каком-то смысле неразрешимы. В Соединенных Штатах, обсуждая нравственные конфликты, мы склонны сосредотачивать внимание на современных проблемах: абортах, эвтаназии, дискриминации национальных меньшинств и женщин и т. п., широко и страстно обсуждаемых и вызывающих разногласия. Однако зачастую мы игнорируем тот факт, что участники этих споров о нравственности придерживаются некоторых общих ценностей, что по многим вопросам морали почти все американцы согласны между собой (например: «Нехорошо развращать шестилетних девочек»), и что ряд нравственных проблем прошлого был успешно разрешен (например, проблемы рабства и женского избирательного права). Следовательно, сосредотачивая все свое внимание только на разногласиях, мы неверно представляем себе сложившуюся ситуацию. Философ Джеймс Рэчелз иллюстрирует эту мысль на примере науки:

Размышляя о *подобных* вопросах [например, об абортах, эвтаназии, дискриминации расовых меньшинств и женщин и т. п.], можно легко прийти к заключению, что в этике нет ни одного окончательно разрешимого вопроса. То же самое можно сказать и о науках. Есть много сложных вопросов, по которым физики не могут прийти к согласию, и если мы сосредото-

точим все наше внимание исключительно на этих проблемах, то можем заключить, что ни одно физическое явление не может быть доказано. Но, конечно же, многие более простые вопросы в физике имеют доказательство, с которым согласны все компетентные физики. Подобным образом, и в этике есть много вопросов намного более простых, чем проблема абортов, относительно которых должны быть согласны все разумные люди.

Довод, основанный на добродетели терпимости

Второй довод в пользу этического релятивизма гласит: «Этический релятивизм поощряет терпимость по отношению к определенным культурным формам поведения, которые представители западной цивилизации могут посчитать странными, и поэтому этический релятивизм — хорошая вещь. Однако, хотя терпимость часто является добродетелью, сторонники этического релятивизма просто не могут обосновать свою позицию по этому принципу. Во-первых, добродетель терпимости (нравственная ценность) предполагает существование по меньшей мере одной реальной объективной ценности: *терпимости*. Специалист по биоэтике Том Бьючеп делает следующее наблюдение:

Если мы будем толковать нормативный релятивизм как *требующий* терпимости к иным взглядам, то вся теория рискует оказаться непоследовательной. Предположение о том, что мы должны быть терпимыми к чужим взглядам, и что не следует вмешиваться в чужие дела, исключается самой сутью теории. Такое предположение содержит все признаки *нерелятивистской* оценки нравственной правоты, основанной на открытиях антропологами общекультурных ценностей, но не сводимой только к этому... Но если этот нравственный принцип [терпимости] признать эффективным,

тогда его, конечно же, можно использовать как инструмент для критики таких общественных явлений, как отрицание человеческих прав меньшинств, и таких убеждений, как, например, расовое превосходство. Таким образом, приверженность к нравственной терпимости к иным убеждениям и иному поведению неизбежно ведет к отрицанию нормативного релятивизма.

Во-вторых, терпимость может быть добродетелью только тогда, когда мы думаем, что другой человек, чьи взгляды мы собираемся терпеть, ошибается. Другими словами, если мы не считаем, что одна точка зрения лучше другой, то не имеет смысла просить нас быть терпимыми к иным точкам зрения. Поскольку терпимость ко взглядам другого подразумевает, что этот другой имеет право на свою точку зрения, хотя другие могут считать ее неправильной. Для того, чтобы терпимо относиться к различным точкам зрения, требуется именно различие этих *точек зрения*, которые не могут быть одновременно одинаково правильными. Человек, считающий себя терпимым и в то же время полагающийся, что никто не может быть правым или неправым относительно хоть одной нравственной ценности, не более добродетелен, чем человек, считающий себя девственно чистым, тогда как он родился без половых органов. Следовательно, истинное терпение предполагает, что кто-то прав, а кто-то не прав, и это косвенно отрицает нравственный релятивизм.

Следует, однако, признать, что за стремлением сторонников релятивизма к терпению стоит благое побуждение. Они считают, что их представление о терпении поможет нам лучше понять других людей и другие культуры без чрезмерно критического отношения к их культуре поведения. Это, в свою очередь, не дает нам права использовать данную критику для оправдания насильственного навязывания другим нашей собственной культуры

поведения. Например, не стоит требовать, чтобы женщины южных морей, ходящие с обнаженной грудью, носили блузки, а полигамные семьи разделялись и становились моногамными. Я с симпатией отношусь к такой терпимости к другим культурам. Однако, как я уже говорил, культура поведения и моральные ценности не есть одно и то же. Из того, что культура поведения людей различна, не следует, что у людей разные ценности.

Споры, возникающие в связи с исключением некоторых книг из школьной программы и изъятием их из библиотек, являются примером того, как люди могут соглашаться друг с другом в оценке ценностей, но не соглашаться друг с другом относительно норм поведения. Те, кто придерживается более консервативной линии поведения (их еще часто называют сторонниками цензуры) обычно считают, что есть литература, которая не годится для определенных возрастных групп. Они пытаются убедить нас, что родителям, а не школьной администрации лучше знать, что хорошо для их детей. С другой стороны, их оппоненты, сторонники свободы слова, обычно считают, что учителя и школьная администрация должны решать, какой материал годится для детей, но вместе с тем и они признают, что граница должна быть где-то проведена. Например, никто из этих защитников свободы слова не считает нужным давать четвероклассникам читать порнографическую литературу.

Это, естественно, делает спор еще более интересным, поскольку это означает, что обе стороны согласны со следующими основными принципами: определенная граница должна существовать, определенный материал годится для определенных возрастных групп, и образование важно. Обе стороны защищают некоторый вид «цензуры». Они не согласны лишь в том, что должно быть подвергнуто цензуре, и на основании чего должно приниматься решение. Следовательно, их ценности во многом одинаковы,

но обе стороны не согласны друг с другом в том, как надо применять эти ценности, а также в вопросе приемлемости определенных фактических требований.

Хотя различие между практической деятельностью и ценностями помогает нам терпимо относиться к неординарной культуре поведения, мы по-прежнему можем критически оценивать себя и других. Во-первых, мы можем критиковать то нетерпимое поведение, которое противоречит основным человеческим ценностям, как, например, в случае с геноцидом в гитлеровской Германии и апартеидом в Южной Африке. Во-вторых, мы не можем не признавать реальный нравственный прогресс, как в случае уничтожения рабства. И в-третьих, вполне реально существование истинных реформаторов нравственности, таких как Мартин Лютер Кинг и пророки Нового Завета, которые использовали пророческие голоса для того, чтобы упрекать свои народы в том, что они отошли от истинного нравственного поведения, основанного на общечеловеческих ценностях.

Данные три положения, каждое из которых вытекает из убеждения в существовании объективных общекультурных ценностей, логически не следуют из веры в нравственный релятивизм. Другими словами, чтобы оставаться последовательным, нравственный релятивист не может критиковать нетерпимое

нравственное поведение, верить в нравственный прогресс или признавать существование истинных реформаторов нравственности. Поскольку данные три формы нравственных суждений предполагают существование истинных объективных общекультурных ценностей.

Хотя об оправдании и существовании определенных нравственных ценностей можно сказать намного больше, сказанного выше достаточно, чтобы показать, что нравственный релятивизм чрезвычайно проблематичен. Это свидетельствует о том, что мы можем разумно обсуждать и спорить друг с другом о том, что правильно и неправильно, не ссылаясь на то, что все нравственные суждения исключительно субъективны или относительно, что все они равноценны. Данное утверждение логически ведет к странному, по меньшей мере, заключению о том, что Мать Тереза не более и не менее добродетельна, чем Адольф Гитлер. Я думаю, этого достаточно для того, чтобы показать несостоятельность этического релятивизма.

Нравственный релятивизм был почти единогласно отвергнут как неверующими, так и верующими философами и психологами. Однако до сих пор во многих секуляризованных культурных учреждениях еще модно придерживаться данной точки зрения. Считается, что она более терпима, более открыта, интеллектуально более приемлема,

чем старомодный «абсолютизм». Однако, как мы увидели, нравственный релятивизм не совместим с терпимостью, он отрицает возможность существования истины и интеллектуально несостоятелен.

Заключение

Сегодня в Соединенных Штатах многие люди придерживаются позиции нравственного релятивизма. Они считают, что не существует объективной системы нравственных ценностей, которая помогает нам определить, что правильно, а что нет. Они утверждают, что «все относительно». Для того, чтобы защитить данную позицию, релятивисты выдвигают два следующих довода: 1) поскольку у разных людей и народов разные представления о нравственности, то не существует объективных нравственных ценностей; 2) нравственный релятивизм заставляет нас быть терпимыми к поведению, которое может нам казаться странным или необычным. Эти доводы имеют серьезные упущения. К тому же нравственный релятивист едва ли может объяснить нравственный прогресс, нравственную реформацию и очевидный факт существования нравственных святых и дьяволов.

Статья была напечатана в Christian Research Journal (Fall 1993), pp. 22-23, 39.